

ЖИЗНЬ И КНИГИ

1. Так родилась эта пьеса

Осенью 1948 года вместе с Ярославом Галаном львовские писатели были на приеме у одного из партийных работников области. Говорили о работе издательства, о писательских нуждах, о творческих командировках, а потом, в конце беседы, товарищ, к которому мы попали на прием, пожурил нас за то, что мы слабо освещаем жгучие темы современности. Жизнь дает множество острейших сюжетов, а некоторые львовские литераторы проходят мимо них равнодушно и сочиняют баллады на спокойном, отлежавшемся материале. И как бы подтверждая свою мысль о многообразии острейших сюжетов, которыми «снабжает» литератора жизнь, наш собеседник рассказал одну историю.

За день до этого он выезжал проводить собрание в одно из глубинных сел области. Было известно, что село это хорошо выполняет все поставки и вообще является передовым в районе по проведению всех кампаний. Во многом оно было обязано этим председателю своего Совета, инициативному человеку, хорошо знающему местные условия, в прошлом участнику движения за воссоединение, коммунисту. За революционную деятельность он был арестован оккупантами в 1941 году, сидел в гитлеровских концлагерях и чудом избежал смерти.

Однако в то же самое время не проходило и месяца, чтобы в этом образцовом, казалось, селе не случилось вылазки классового врага. Было видно, что в селе засел хитрый и опасный враг, который держит в руках с помощью угроз и террора какую-то часть населения и, не стесняясь в выборе средств, пытается задержать стремительное наступление нового.

Зная обо всем этом, наш собеседник после собрания, за обедом у председателя, повел откровенный разговор о вражеских вылазках в селе. Он прямо говорил, что председатель не может не знать, кто в селе «мутит воду», а зная или хотя бы догадываясь об этом, он не принимает ре-

шительных мер против преступной деятельности националистического охвостья, он зачеркивает тем самым собственное революционное прошлое, свою честь борца за народное дело, а также все те хорошие показатели, каких добилось село.

— Пора кончать с бандитским охвостом! — так заключил разговор за обеденным столом товарищ из Львова.

Председатель сельского Совета некоторое время молчал. Черты его сурового, сразу помрачневшего лица выражали глубокую внутреннюю борьбу. Потом он встал и, тихо сказав: «одну минуту», тяжелыми, твердыми шагами вышел в соседнюю комнату.

Сперва там послышались приглушенные голоса, потом чей-то крик и вдруг — два пистолетных выстрела! Не успел львовянин сообразить, в чем дело, как открылась дверь и на пороге появился бледный от волнения председатель сельского Совета с пистолетом в руке.

— Я кончил, товарищ секретарь! — сказал он глухо, и подавленный, сразу как-то обмякший, опустился на скамью.

А когда люди забежали в соседнюю комнату, то увидели там на полу убитой его дочь, заядлую националистку, которая и была организатором всех вражеских «проявлений» в селе.

...Мы не обсуждали, прав или не прав был отец, не выяснили, какое он понес наказание за этот самосуд и каким образом произошло так, что его родная дочь очутилась во вражеском лагере. Но мы почувствовали в этой глубоко взволновавшей нас истории главное: большую, гоголевского размаха тему, мы услышали в ее подтексте слова старого Тараса Бульбы: «Я тебя породил, я тебя и убью!», как бы перешедшие в нашу эпоху из далекого прошлого, — слова, вечно справедливые, полные большого смысла и народного патриотизма.

Надо полагать, вот эта-то история, рассказанная нам во Львовском обкоме партии, и послужила отправной точкой для рождения пьесы Ярослава Галана «Любовь на рассвете», драмы острых социальных

страстей и сильных характеров. Приходится очень сожалеть, что преждевременная гибель от руки врагов помешала Галану самому завершить работу над пьесой и она попала на сцены театров не в том виде, до какого мог бы довести ее автор.

Лев Николаевич Толстой сказал однажды, что на хорошем сюжете книга всходит, как на дрожжах. История, услышанная нами, и несколько видоизмененная впоследствии Галаном, полностью может быть отнесена, при всем ее трагизме и исключительности, именно к числу таких сюжетов. Но для того, чтобы будущий зритель поверил в нее, чтобы он сказал, уходя из театра: «Да, так могло быть в жизни», Галану предстояло еще много потрудиться.

Он откладывает работу над другой задуманной им пьесой «Граф на скале» — о митрополите Андрее Шептицком и его растлевающим влиянии на галицийскую общественность и начинает тщательно изучать советскую действительность. Драматург нарачивает на удачно найденный сюжет жизненные наблюдения, подыскивает такие детали, которые усилили бы правдивость основной сценической ситуации. Он уезжает в Закарпатье на отдых, но вместо того, чтобы отдохнуть в санатории, целыми днями разъезжает по отдаленным селам, беседует с крестьянами, присутствует на первых организационных собраниях новых колхозов.

Галан настроил всего себя, свой мозг, всю свою творческую силу на выполнение этой первоочередной задачи — создание пьесы о борьбе старого с новым на его родной земле. Так рождалось предсмертное, пожалуй, самое актуальное произведение писателя. Галан писал то, что нужнее всего было народу в этот горячий момент коллективизации и решительного боя с остатками украинского националистического подполья и его идеологией. Кое-каких литературных критиков смущало и смущает появление некоего «мистического» льва в пьесе. Отказывая в праве на аллегориями такому оригинальному художнику, каким был Галан, они не понимают или не хотят понять, что выпускаемый националистом

Лукой на свободу из клетки передвижного зверинца лев — это та зверина, враждебная всему новому стихия украинского буржуазного национализма, с помощью которой его главари безуспешно пытались затормозить по обе стороны Карпат победное шествие коллективизации, натравливали одни национальности на другие, по указке своих заморских хозяев хотели разъединить братские народы.

Надо сказать, что творчество всех боевых соратников Ярослава Галана по журналу «Вікна», и в первую очередь писателей Александра Гаврилюка, Степана Тудора и Петра Колянюка, характерно именно быстрой ответной реакцией на зов их родной земли, народа, партии. Оно всегда было подчинено насущным задачам движения вперед, социального прогресса.

2. Хладнокровие и приблизительность

Очень печально сознавать, что не всегда эти хорошие традиции берегаются и культивируются во Львовской писательской организации. Есть литераторы, которые, прожив десяток лет во Львове, издали немало произведений, географически никак не связанных с местом их работы, отмеченных печатью абстракции, декларативности. И особенно печально, что не все писатели старшего возраста своевременно поняли, что им выпало большое счастье наблюдать рождение и утверждение Советской власти на земле, которая долгие годы была оторвана от Советской Украины.

Многие стихи Василия Глового, например, могли быть с одинаковым успехом изданы во Владивостоке и Архангельске, Костроме и Ташкенте. В них мало примет времени, национального колорита. Иногда мелькающие местные названия: Карпаты, Латорица, Дворки, Львов и т. д. не связаны органично с содержанием и могут быть легко заменены, скажем, Чатыр-Даг, Аму-Дарьей, Челябинском. Содержание стихов, их сущность при этом несколько не изменится. А попробуйте перенести действие пьесы Ярослава Галана «Любовь на рассвете» куда-нибудь на Валдайскую возвышенность! Пьеса немедленно «взорвется» изнутри от вопиющего несоответствия места действия и ее фабулы. Географические приметы войдут в острое противоречие с пейзажем, языком героев, их поступками.

К большому сожалению, отсутствие такой органичной «географической привязки» можно обнаружить и в двух сборниках стихов Григория Глазова, в отдельных стихах Георгия Кныша, в книге Юрия Круляка «Звичайні люди». А попробуете ли сделать такую замену в любой из новелл старейшего львовского писателя Михаила Яцкива, в прозе Ирины Вильде или в большинстве точно бьющих в цель стихов молодого поэта Дмитра Павличка!

С первых дней освобождения Львова работает в нашей организации один из авторов сценария фильма «Щедрое лето» Николай Далекый. Больше, чем кто-либо из других литераторов, он бывает в селах, много видит, горячо воспринимает к сердцу наблюдаемый материал, умеет интересно рассказывать о виденном в небольших газетных очерках, на писательских собраниях. Но вот мы читаем его большую повесть «Девушка из Топольков», и на многих страницах видим придуманных, а не взятых из кипучей жизни героев. Действие повести может развертываться и на Полтавщине, и под Сумами, положение от этого существенно не изменится. Писатель равнодушно прошел мимо острейшей классовой борьбы, которую он видел ежедневно и ежечасно в непосредственной близости от своего письменного стола, уклонился от ее изображения. И что же — такой «холодный» метод работы отомстил Николаю Далекому. Повесть, которая могла быть событием в литературной жизни Львова, не взволнует по-настоящему душу читателя, не разбередит его совесть так, как, скажем, сделал это в свое время маленький очерк Ярослава Галана «Чому немає ймення?», разоблачающий зверства украинских националистов.

Мне кажется, что интерес читателя к первой повести Ольги Барковой «Каждый день» был во многом определен тем, что за городом Левандовском угадывался Львов и его жизнь на точно охарактеризованном историческом этапе. Период индустриализации Львова, влияние действительных событий на судьбы людей — все это обогатило автора, сделало более конкретным его замысел. Этого, к сожалению, нельзя сказать о последней книге Барковой «Трудное счастье», выпущенной тем же «Советским писателем». Роман

«Трудное счастье», так же как и один из первых его вариантов, печатавшийся в журнале «Советская Украина» под названием «Фабрика «Победа», читается с трудом и оставляет читателя безучастным в судьбам героев.

Во Львове есть литераторы, работающие в области приключенческого жанра. Здесь была опубликована первая приключенческая повесть переехавшего затем в Одессу Юрия Усыченко «Невидимый фронт». Чисто внешняя «привязка» основного сюжета этой повести ко Львову есть, но произведение во многом написано по методу прилежного «переваривания» путеvodителя города, а не показа его реальной, настоящей, полнокровной жизни со всеми ее противоречиями и на конкретном историческом этапе.

Владимир Черносвитов, автор выпущенной уже двумя изданиями книги рассказов «Мелкое дело» и других повестей, которые публиковались в центральных и местных газетах, оттачивает сюжеты своих произведений более тщательно, чем это сделал Усыченко в «Невидимом фронте». Но и Черносвитову свойственна приблизительность в описаниях, неумение увидеть своими глазами самое характерное в пейзаже, на фоне которого развертывается действие, неумение подсмотреть настоящую жизнь.

Владимир Черносвитов — способный автор, хороший «выдумщик», в лучшем смысле этого слова, и если бы он пожелал хорошо изучить историю Львова, и в частности происки агентуры Ватикана, узнать так, как знал ее Ярослав Галан, то из-под его пера вышло бы много настоящих приключенческих произведений, воспитывающих в читателе чувство высокой бдительности. Ведь неправда жизни способна разрушить любой, даже самым блестящим образом придуманный сюжет, способна толкнуть повествование на путь бульварной литературы.

3. Это может отомстить

Недавно, после встречи с читателями, мы ходили до поздней ночи по улицам Львова с одним из молодых поэтов и вели откровенный разговор о том, что в его стихах мало конкретности, мало географической «привязки» к месту действия, мало острых сюжетов. Мы вспомнили при